

Крживицкий Людвик

Антропология

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л93

Л93 **Людвик К.**
Антропология / Крживицкий Людвик – М.: Книга по Требованию, 2024. – 362 с.

ISBN 978-5-519-91136-8

ISBN 978-5-519-91136-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Антропологія въ современномъ значеніи этого слова—наука новая. Систематическія изслѣдованія въ этой области начинаются со второй половины прошлаго столѣтія, трудами: Д'Обантона—о сравнительномъ положеніи затылочнаго отверстія (1764), Блуменбаха—о формѣ черепа, рассматриваемаго сверху (1775), Кампера—о формѣ черепа, рассматриваемаго сбоку (1791). Одновременно наука обогащается и фактическимъ матеріаломъ, благодаря кругосвѣтнымъ путешествіямъ. Въ 1812 г. выходитъ первое изданіе сочиненій Причарда, составившее эпоху въ развитіи антропологической науки. Наконецъ, Рециусъ (1857) въ Европѣ и Мортонъ (1839 и 1844) въ Америкѣ даютъ антропологіи прочное методологическое основаніе. Окончательное развитіе она получаетъ во время страстной борьбы, вызванной въ Соединенныхъ Штатахъ отминою рабства. Какъ сторонники, такъ и противники этой реформы одинаково искали въ наукѣ подтвержденія своихъ мнѣній. Эта страстная борьба увлекла ученыхъ не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ. Появляются труды первостепенной важности, хотя и носящіе отпечатки злобы дня. Вопросы объ умственныхъ способностяхъ негровъ, о плодovitости браковъ при скрещиваніи двухъ расъ и др. возбуждали ожесточенный споръ. Антропологія была ославлена наукой революціонной. Когда Брока началъ читать свое изслѣдованіе о скрещиваніи въ парижскомъ біологическомъ обществѣ, предсѣдатель его послѣ нѣсколькихъ засѣданій выразилъ опасеніе, чтобы доклады по такимъ вопросамъ не вызвали непріятностей для этого учрежденія; когда же состоялось открытіе мадридскаго антропологическаго общества, кортесы обратились къ правительству съ запросомъ, что значить появленіе такого общества въ католической странѣ, и осудили кабинетъ за поощреніе свободомыслія. Въ 1859 г. учреждается парижское антропологическое общество, а по его примѣру и другія. Появляются многочисленные спеціальныя журналы. Теорія Дарвина еще болѣе способствуетъ возбужденію интереса

II

къ антропологiи, и движеніе вскорѣ принимаетъ такіе размѣры, что антропологи стремятся связать въ одно цѣлое всѣ наши свѣдѣнія о человѣкѣ не только въ физическомъ, но и въ психическомъ и общественномъ отношеніяхъ, истолковать его исторію и, наконецъ, указать на основы болѣе раціональнаго общественнаго строя. «Исслѣдованіе объ источникахъ современной цивилизаціи, ея исторіи и принципахъ, выясненіе причинъ періодичности прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ поводовъ застоя въ той или другой странѣ,—все это несомнѣнно антропологическія задачи». Такъ расширилъ границы антропологiи Рокитанскій въ заключительной своей рѣчи на вѣнскомъ съѣздѣ антропологовъ 1870 г.

Основная задача нашего труда—познакомить общество съ современнымъ состояніемъ антропологической науки. Съ этою цѣлью мы прежде всего старались изложить факты объективно, но, будучи убѣждены, что наука существуетъ для общества и имѣетъ только тогда значеніе, когда она расширяетъ умственный и общественный кругозоръ человѣчества, и что лозунгъ: «наука для науки» составляетъ только проявленіе общественнаго равнодушія и молчаливое признаніе *status quo*, мы не воздержались кое-гдѣ и отъ практическихъ выводовъ. Во-вторыхъ, мы должны сказать нѣсколько словъ какъ объ источникахъ, которыми пользовались, такъ и о системѣ изложенія. Книга наша не представляетъ собою труда, который требовалъ бы точнаго обозначенія, откуда почерпнуты факты. Такого рода указанія необходимы въ сборникахъ сырого матеріала и въ трудахъ, которые должны служить фактической основой для дальнѣйшихъ изслѣдованій; въ книгахъ же, предназначенныхъ единственно для ознакомленія публики съ состояніемъ данной области знанія, подобныя указанія служатъ бесполезнымъ баластомъ или вызываются желаніемъ порисоваться начитанностью. Если же мы иногда ссылаемся на источники, то только потому, что данный фактъ мало извѣстенъ; читатель же имѣетъ право требовать указанія, откуда онъ почерпнулъ. Кромѣ того, мы напередъ сознаемся въ нѣкоторыхъ неточностяхъ. Географъ, разъясняющій движеніе земли, поступаетъ точно такъ же, когда изображаетъ его совершающимся по эллиптической линіи. Движенія земной оси, пертурбаціонныя вліянія другихъ планетъ, движеніе солнца въ пространствѣ опредѣляютъ движеніе самой земли во вселенной по кривой, совершенно не похожей на эллиптическую. Никто однако не упрекаетъ географа, что онъ выражается неточно. Равнымъ образомъ никто не упрекнетъ насъ за то, что мы, говоря о вліяніи антропологическихъ факторовъ и о сущности явленій, подлежащихъ вѣдѣнію антропологiи, и не желая переступить границы назначенной себѣ области, вынуждены были съ одной стороны игнорировать, съ другой—ослабить явленія и вліянія

III

второстепенныя или другого порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать изслѣдуемымъ фактамъ болѣе рѣзкое и одностороннее выраженіе, не соответствующее ихъ дѣйствительному значенію. Сверхъ того, поставивъ себѣ главною задачею изложить общія черты, не вдаваться въ мелочи, мы совершили нѣсколько другихъ неточностей. Численность племенъ указана нами въ круглыхъ цифрахъ, распредѣленіе антропологическихъ типовъ установлено нами не съ математическою точностью, вліянія природы на человѣка мы подчеркнули, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, антропологическіе типы мы представили болѣе однообразными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, а вліяніе подборовъ—болѣе глубокимъ и значительнымъ. Не имѣя въ нашемъ распоряженіи, какъ выражается одинъ изъ выдающихся мыслителей XIX столѣтія, ни микроскопа, ни химической реторты, мы должны прибѣгать къ абстракціи, т. е., съ одной стороны, къ игнорированію второстепенныхъ факторовъ въ развитіи человѣка и общества, или такихъ факторовъ, которые не подлежатъ вѣдѣнію антропологии, а съ другой стороны—къ усиленію значенія первостепенныхъ исключительно антропологическихъ факторовъ. Впрочемъ, во второй части нашего труда, посвященной народовѣдѣнію, мы нерѣдко предоставляли голосъ очевидцамъ, которые, быть можетъ, далеки отъ точности, но за то смѣло и ясно отмѣчаютъ характерныя черты разсматриваемаго племени; вмѣсто же столь обычнаго у «серьезныхъ» ученыхъ перечисленія именъ народовъ извѣстной географической области, мы брали лишь одно характерное племя или обобщали однородный матеріалъ, касающійся нѣсколькихъ племенъ, и развертывали передъ глазами читателя по возможности полную картину быта племенъ и народовъ въ зависимости отъ окружающей среды. Наконецъ, много недочетовъ въ нашемъ трудѣ вызвано тѣмъ, что наука стоитъ на низкой ступени развитія и что антропологическія изслѣдованія пока еще крайне односторонни. Въ заключеніе мы должны замѣтить, что III часть нашей книги представляетъ совершенно самостоятельный трудъ, и что за нѣкоторые высказанные въ ней взгляды мы принимаемъ на себя всю отвѣтственность.

Первоначально мы имѣли въ виду посвятить нашъ трудъ преждевременно умершимъ друзьямъ: Симону Дикштейну и Станиславу Крушинскому, но во время собранія матеріала мы познакомились съ неизвѣстными героями человѣчества. Ихъ дикость, проколотыя или украшенныя перьями губы и ноздри, нагота расписаннаго тѣла, послужили причиной, что европейская цивилизація, менѣе совершенная въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, осуждаетъ ихъ только потому, что они не хотятъ отравлять себя алкоголемъ и гибнуть подъ колесницей европейской культуры, а осмѣливаются постоять за себя. Объёмъ книги не позволилъ намъ перечислить ихъ подвиги и даже остано-

IV

виться на коллективномъ ихъ геройствѣ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ нашъ трудъ приближался къ концу, мы измѣнили наше первоначальное рѣшеніе и посвящаемъ его этимъ нашимъ дикарямъ-героямъ. Мы думаемъ, что упомянутые наши друзья, еслибы были еще живы, охотно согласились бы на эту замѣну.

Людовикъ Кржисвицкій.

Варшава, 1891, мартъ.

Ч А С Т Ь I.

I.

Древность человѣческаго рода.

Преданія, заслуживающія довѣрія, имѣютъ сравнительно небольшую давность: индусскія относятся не далѣе какъ къ 18-му, еврейскія къ 25-му, китайскія къ 30-му, египетскія къ 50-му столѣтію до Р. Х. Считая, что въ столѣтіи смѣняются 4—5 поколѣній, мы убѣдимся, что исторія человѣчества обнимаетъ собою 300—350 поколѣній. Эта цифра чрезвычайно незначительна съ точки зрѣнія эволюціонныхъ вліяній на организмъ. Историческія свидѣтельства рисуютъ намъ человѣчество живущимъ уже вполне культурною жизнью и умалчиваютъ о болѣе раннихъ періодахъ его существованія или напоминаютъ объ этомъ отдаленномъ времени лишь мифами и сказками. Однако наука нашла источники для изслѣдованія до-историческаго прошлаго: полпрованые камни, роговые орудія, слѣды костровъ, кости животныхъ, расколотыя для извлеченія изъ нихъ мозга, и т. п. предметы, найденные въ пластахъ современной и предыдущей геологической эпохи. Находки эти очень многочисленны (такъ напр. изъ долины Соммы добыто до 80,000 кремней, обнаруживающихъ осмысленную человѣческую дѣятельность) и благодаря имъ можно возсоздать бытъ, нравы, занятія и культуру до-историческаго человѣка нѣкоторыхъ областей съ такою точностью, что мы лучше знаемъ его племенную и культурную исторію, чѣмъ нѣкоторыхъ историческихъ народовъ, напр. каппадокійцевъ.

Палеонтологическія изслѣдованія захватываютъ въ настоящее время лишь незначительную часть земного шара. Сѣверо-западная и центральная Европа, а съ недавнихъ поръ Италія,—вотъ страны, которыя до нѣкоторой степени могутъ гордиться серьезнымъ знаніемъ своего до-историческаго прошлаго. Въ Европы было обращено вниманіе лишь на нѣкоторыя мѣстности Америки. И такъ,

наше знаніе въ этой области сдѣлало лишь первые шаги. Несмотря на это палеонтологія однако и теперь уже достигла значительныхъ результатовъ. Безъ колебаній она удостовѣряетъ напр., что человѣкъ существовалъ въ Европѣ уже въ четвертичную эпоху, былъ свидѣтелемъ ледниковаго періода и жилъ совместно съ нынѣ неизвѣстными въ этихъ мѣстахъ громадными плотоядными, напр. львомъ и тигромъ, и съ толстокожими: мамонтомъ, древнимъ слономъ, бегемотомъ и носорогомъ. Онъ стоялъ тогда на чрезвычайно низкомъ уровнѣ развитія, можетъ быть, уже не встрѣчающемся въ настоящее время нигдѣ на земномъ шарѣ. Онъ кочевалъ вдоль береговъ морей и рѣкъ, зналъ только грубые кремневые орудія, ходилъ нагишъ, раскрашивалъ свое тѣло, питался плодами охоты, не имѣлъ домашнихъ животныхъ, не занимался разведеніемъ растений и не обладалъ еще знаніемъ гончарнаго искусства. Нѣкоторые ученые пытались даже установить приблизительно время, отдѣляющее насъ отъ эпохи самыхъ древнихъ предметовъ, добытыхъ раскопками. За мѣрило принимались самыя разнообразныя явленія. Опредѣляли время, необходимое для образованія сталактитовъ въ Кентской пещерѣ, гдѣ найдены слѣды до-историческаго человѣка, датскихъ торфяниковъ, осадки и повышенія англійскаго материка, образованія дельтъ и до-историческихъ ледниковъ и т. д. Цифры получились различныя, но согласны онѣ въ томъ, что человѣкъ существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы и Америки уже не тысячи, а десятки и даже и сотни тысячъ лѣтъ (Вивіанъ, Мортилье, Кроль и др.).

Факты, собранные до настоящаго времени палеонтологіей, доказываютъ существованіе человѣка уже въ началѣ четвертичной эпохи, и свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ пользовался уже тогда огнемъ и нѣкоторыми орудіями. Хотя послѣднія очень несложны, однако, по всей вѣроятности, порадовались десятки тысячъ лѣтъ для ихъ изобрѣтенія. Поэтому необходимо предположить, что человѣческій родъ появился на земномъ шарѣ уже въ третичную эпоху.

Фактъ этотъ теоретически признали всѣ выдающіеся представители антропологіи, насколько имъ не мѣшали постороннія науки соображенія. Однако они все еще оживленно спорятъ относительно фактическихъ доказательствъ существованія человѣка въ эти столь отдаленныя времена. Въ двухъ мѣстностяхъ Франціи (въ Тенэ и въ Пюи-Курси), равно какъ и въ Португаліи найдены кремни въ миоценовыхъ пластахъ, по виду носящіе слѣды сознательной обработки. Въ Италіи Капеллини добылъ изъ пліоценоваго пласта кости кита, *balaenoptus'a*, заставляющія призадуматься, надъ изображеннымъ на нихъ рисункомъ Рагаццони же нашелъ части человѣческаго скелета въ нѣсколько позднѣйшихъ пластахъ (въ Ольмо). Въ Калаверасѣ (Калифорнія) изъ-

подъ нѣсколькихъ пластовъ лавы и щебня добыты куски черепа, а Амегино въ пампасахъ Южной Америки открылъ слѣды человѣческаго жилища подъ толстыми слоями остывшаго глиптодона. Если бы эти доказательства были дѣйствительно неопровержимы, то древность человѣческаго рода слѣдовало бы исчислять уже болѣе продолжительными періодами времени, чѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ. Открытія въ Тенѣ отодвинули бы насъ напр. къ мамонту, когда въ Европѣ господствовала средняя температура на 7°—9° градусовъ выше теперешней (тропическая) климатъ же въ полярныхъ странахъ соотвѣтствовалъ болѣе или менѣе теперешнему въ умѣренной полосѣ земного шара. Фауна состояла тогда изъ организмовъ, представляющихъ прототипы современныхъ млекопитающихъ. Легко поэтому представить себѣ ту осторожность, съ какой ученые разсматриваютъ и изслѣдуютъ подобнаго рода доказательства существованія человѣка. Достаточно будетъ вспомнить хотя бы усилія, потраченные на установленіе достовѣрности рисунка на костяхъ *balaeonotus*'а. Образованіе спорныхъ кремней объясняли внѣшними вліяніями (напр. внезапными переměнами температуры). Кромѣ того выражали сомнѣніе относительно точности опредѣленія пластовъ или утверждали, что кремни имѣютъ размѣры, слишкомъ малые для человѣческой руки. Къ этому присоединились еще соображенія философскаго характера. Со временъ тенэйской эпохи фауна и флора Европы подвергались неоднократно кореннымъ переměнамъ. Неужели одинъ только человѣкъ обладалъ привилегіей остаться неизмѣннымъ въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ тысячелѣтій, несмотря на то, что вокругъ него все измѣнялось? Человѣкъ—утверждаютъ одни—уже въ то время жилъ сознательною жизнью и поэтому могъ сохранить свой типъ. Другіе прибѣгаютъ къ гипотезѣ, приписывающей тенэйскіе кремни не человѣку, а его предшественнику—антропопитевкису, занимающему среднее мѣсто между теперешнимъ человѣкомъ и человѣкоподобною обезьяною. Но, какъ бы то ни было,—будемъ ли мы вмѣстѣ съ Топинаромъ, Морсомъ и Шмидтомъ признавать пліоценоваго человѣка въ Америкѣ или вмѣстѣ съ Мортилье и Катрфажемъ—міоценоваго въ Европѣ, или же отбросимъ обѣ эти гипотезы,—во всякомъ случаѣ существованіе нашего предка въ послѣдніе періоды третичной эпохи является выводомъ изъ цѣлаго ряда научныхъ фактовъ. Что же касается до вопроса, когда онъ появился или существовалъ, то рѣшительный отвѣтъ дать еще невозможно. Необходимо предварительно изслѣдовать болѣе ранніе пласты третичной формаціи, когда положеніе материковъ и климатическія условія были другія, чѣмъ теперь. Человѣкъ жилъ тогда среди совершенно другой природы и перенесъ цѣлый рядъ рѣзкихъ переměнъ въ климатѣ, фаунѣ и флорѣ.

II.

Расовые антропологическіе типы.—Представляемые ими существенныя различія.—Слѣдуетъ ли антропологическіе типы считать видами или разновидностями?—Задачи современной антропологіи и развитіе отдѣльныхъ отраслей этой науки.—Краниологія и ея методы.—Какимъ образомъ выдѣлить чистые антропологическіе типы изъ скрещенныхъ расъ? — Успѣхи антропологіи въ изслѣдованіи расовыхъ типовъ.

Даже самый поверхностный наблюдатель усматриваетъ въ человѣческихъ племенахъ существованіе различій—не случайныхъ и временныхъ, но постоянныхъ и передаваемыхъ однимъ поколѣніемъ другому. Иногда эти различія очень существенны и глубоки, какъ напр. между негромъ и европейцемъ. Свойственная каждому племени окраска распространяется не только на покровы, но проникаетъ и во вѣтренныя ткани, напр. у негра мускулы вмѣсто ярко-красныхъ оказываются желто-коричневыми. Размѣры и взаимоотношенія мягкихъ частей и костей скелета также другіе; различаются и законы фізіологическаго развитія (напр. время половой зрѣлости, срастанія швовъ черепа и др.). Вѣроятно и химическій составъ костей нѣсколько иной; то же можно предполагать и относительно крови. По крайней мѣрѣ морскіе врачи утверждаютъ, что у негра кровь гуще и чернѣе нашей и даетъ другую сыворотку на открытомъ воздухѣ.

Различіе въ запахѣ ихъ тѣла «настолько рѣзко, насколько оно рѣзко между собакой и шакаломъ»; на вкусъ (по опыту людоедовъ) разница не менѣе значительна. Далѣе различіе проявляется и въ неодинаковомъ сопротивленіи, какое оказываютъ далекія другъ отъ друга расы и племена одной и той же болѣзни, а также въ различномъ ея ходѣ у нихъ. Замѣчено напр., что въ Африкѣ болѣзнь, имѣющая различныя, смотря по мѣстности, названія (*тианъ*), свирѣпствовала среди негровъ и метисовъ, не заражая бѣлыхъ. Что же оказалось при ближайшемъ ознакомленіи съ этою эпидеміей? Оказалось, что бѣлый, имѣя половую связь съ негритянкой, пораженной *тианомъ*, заразился всегда сифилисомъ; и наоборотъ европейскій сифилитикъ переносилъ венерическій ядъ на негра въ формѣ *тиана*. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ заболѣваній мы видимъ дѣйствіе того же яда, привитого на различной расовой почвѣ. Наконецъ, нѣкоторые антропологи, имѣющіе въ своемъ распоряженіи факты, подлежащіе впрочемъ проверкѣ, признаютъ относительное безплодіе браковъ между неграми и европейцами. Потомство, какъ говорятъ, менѣе долговѣчно и не такъ выносливо; особенно женщины имѣютъ нѣжное строеніе и подвергаются множеству хроническихъ болѣзней; у нихъ часто бываютъ выкидыши и несчастные роды; дѣти же умираютъ будто бы обыкновенно въ ран-

немъ возрастъ, и если и достигаютъ зрѣлости, то браки между ними по большей части бесплодны.

Подобныя существенныя и несущественныя различія несомнѣнно существуютъ во множествѣ, причемъ на ряду съ физическими и физиологическими наблюдаются и духовныя. Встрѣчаются напр. группы, страстно предающіяся людоедству; другія, несмотря на самыя неблагоприятныя условія быта, совершенно чужды этой склонности; мы знаемъ народы, обладающіе большими способностями въ сферѣ изящныхъ искусствъ, и другіе, почти лишенные эстетическихъ дарованій. Одинаково умѣстно будетъ вспомнить и о нѣкоторыхъ морфологическихъ различіяхъ, вызывающихъ неодинаковое произношеніе звуковъ. Различія эти могутъ быть очень незначительны и заключаются напр. въ болѣе или менѣе напряженномъ колебаніи соотвѣтственныхъ мускуловъ, но и того одного достаточно, чтобъ замѣтно повліять на произношеніе, въ особенности, когда организмъ потерялъ уже свою юношескую эластичность. Объ этихъ различіяхъ мы получили бы нѣкоторое представленіе, если бы предложили произнести фразу: «жукъ жужжитъ въ тростникѣ», обитателю Маркизскихъ острововъ, языкъ котораго насчитываетъ не болѣе 7 согласныхъ. Словомъ, родъ человѣческой дѣлится на извѣстное число группъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особенныя соединенія анатомическихъ (и гистологическихъ), физиологическихъ (и патологическихъ) и даже звуковыхъ особенностей и эмоциональныхъ признаковъ. Если вышеуказанныя особенности переходятъ отъ родителей къ потомству путемъ наследственной передачи, то группы, обладающія ими, можно назвать *расовыми антропологическими типами*. Это понятіе нисколько не совпадаетъ съ прежними выраженіями «раса», такъ какъ «славянская или романская раса» означаетъ исключительно извѣстную лингвистическую группу, и гораздо точнѣе, чѣмъ термины «бѣлая или черная раса», такъ какъ каждая изъ этихъ послѣднихъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько расовыхъ антропологическихъ типовъ. Для примѣра достаточно хотя бы повнимательнѣе всмотрѣться въ коренное польское населеніе Варшавы, чтобы и здѣсь замѣтить существованіе нѣсколькихъ такихъ типовъ. Рядомъ съ блондиномъ высокаго роста, съ голубыми глазами, продолговатымъ черепомъ и худощавымъ лицомъ, мы видимъ людей широколицыхъ, съ круглымъ черепомъ, средняго роста, съ темными волосами и глазами. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ унаследованными постоянными признаками, нисколько не примѣшивается скрещиваніе. Будэнъ говоритъ: «Полагаю, что лица, имѣющія черные волосы и глаза, никогда не произвели свѣтловолосаго потомства, и я увѣренъ въ томъ, что то же можно сказать относительно формъ черепа». Во Франціи, гдѣ антропологическими изслѣдованіями занимались болѣе усердно, чѣмъ гдѣ-либо, ученые доказали, что физиологическіе законы

роста у этихъ двухъ типовъ не тѣ же самые. Констатировано также различіе въ ихъ воспріимчивости къ заболѣваніямъ. Достаточно вспомнить такой краснорѣчивый фактъ, какъ распространеніе потной англосаксонской горячки въ XV—XVI столѣтіи. Жители нѣкоторыхъ мѣстностей Англіи и ближайшихъ странъ на материкѣ гибли отъ этой болѣзни въ страшныхъ размѣрахъ (30—50%), но эпидемія уносила исключительно лицъ опредѣленнаго типа—англосаксонскихъ блондиновъ, тщательно избѣгая другихъ. Такихъ расовыхъ антропологическихъ типовъ существуетъ въ Европѣ нѣсколько, и различныя ихъ фізіологическія свойства въ особенности ярко обнаруживаются при акклиматизаціи и скрещиваніи. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ равнины Алжира, гдѣ блондины съ сѣвера имѣютъ лишь незначительные шансы выжить и пропзвести потомство, брюнеты съ юга чувствуютъ себя прекрасно. Равнымъ образомъ относительное безплодіе браковъ между блондинами и неграми, по мнѣнію самихъ же сторонниковъ этого взгляда, почти не замѣчается при скрещиваніи южныхъ жителей Европы съ черными жителями Африки.

Антропологическія различія, существующія между людьми, пытались перевести на языкъ зоологій, т.-е. установить, какой рубрикѣ они соответствуютъ въ зоологической классификаціи. Слѣдуетъ ли напр. принимать негра и блондина за различные виды или только за различныя разновидности одного вида? Эта полемика имѣла огромное значеніе въ первомъ періодѣ развитія антропологии. Пока теорія Кювье о неизмѣнности видовъ господствовала въ біологій, надо было допускать гипотезу, что человѣчество появилось въ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга центрахъ земного шара. Въ свое время этотъ взглядъ считался крайнимъ вольнодумствомъ и часто только потому и поддерживался. Дѣло однако совершенно измѣнилось съ появленіемъ теоріи Дарвина. Эта теорія, признавая взаимное родство не только между различными видами, но даже цѣлыми классами и разрядами, прекрасно объяснила путемъ естественнаго подбора существованіе расовыхъ различій.

Множественность видовъ пытались доказать главнымъ образомъ анатомическимъ путемъ. Топинаръ напр., подробно разсматриваетъ признаки различныхъ видовъ рода «bos» (быкъ). Одинъ видъ имѣетъ плоскій, продолговатый лобъ, длинныя закругленные рога; другой—выпуклый, широкій лобъ, длинныя рога на затылкѣ, однимъ ребромъ больше и т. д. Для признанія отдѣльнаго вида въ данномъ случаѣ вполне достаточно установить различныя формы черепа, обиліе волосъ на одномъ или другомъ мѣстѣ, неодинаковый размѣръ скелета и т. д.; нѣкоторые по аналогіи доказываютъ, что анатомическія различія между расами настолько важны, что для зоологовъ онѣ уже вполне доста-